

У АКТЕРА почти нет отдельной от театра жизни. Утром — репетиция, вечером — спектакль. И постоянно — напряжение, от которого не отмахнёшься, не отвянешься. И хочешь иногда отдохнуть, отвлечься. Можно спросить, от чего? Ведь сердце героя — это только его сердце, а костюм его — только костюм. Пройдет минута, ты уйдешь со сцены и сбросишь его. Уйдешь со сцены, а тоска по таинственному миру игры достигнет, как но-стальгия. Этот мир прекрасен, потому что он единственный, создан тобой, живёт по твоим законам. Ты создаешь его для себя, но не только — для других тоже, для них — в первую очередь. А у игры свое свойство: она незаметно становится жизнью, и трудно иногда отде-лать выдумку от реальности. Ведь те, кого играешь, — лю-ди. И если их биография не стала твоей биографией, то на-рушается гармония, ширится разрыв между пьесой и спек-таклем, исчезает доверие зри-теля. Искренность и честность — главное. Так считает герой моего сегодняшнего рассказа, так думают и другие, если сце-на для них не только рабочее место, если живешь в образе, если актер.

Впервые я увидела Ивана Мацкевича в горьковских «Ме-щанах». Играл он Нила, воспи-танника в затхлом доме Бесе-меновых, рабочего парня из паровозного депо. Играл резко, напористо. Предельный лако-низм актера срабатывал на ха-рактер героя. В той линии, по которой выстраивал Мацкевич образ, не было ничего лишне-го. Его Нил впечатлял. Моно-литный, уверенный, целеустре-мленный, Нил Мацкевича чув-ствовал свою правоту. «Хозяин — тот, кто трудится», — ут-верждал он, и не оставалось никаких сомнений, что для ге-роя, для актёра нет другой прав-

ды. Но тогда мне показалось, что не хватает этому парню внутреннего обаяния, той чисто человеческой стеснительности, оттеняющей его жизненную ак-тивность, которая подкупила и Поло Перчихину, и Татьяну, Дня Поли (ее, помнится, играла артистка Р. Семичева) герой был немислим без шпаги и пла-ща, потому что жизнь так скуч-на, окружающее так бесцветно,

он. — Не нужно ему всё это, то есть нужно, конечно, только не время для таких чувств. Не время, — повторил он уже немного спокойнее. Нил ведь и Поло полюбил, зная, что она поймет его: «Она тоже любит жизнь... Мы оба сильные...» Нил очень чуткий, только не позволяет себе быть приглу-щённым в своей ненависти — в него вся борьба впереди.

все процессы, происходящие в человеке, а главное — умение слушать, мыслить — согла-шаться, возражать, спорить. Когда Мацкевич вернулся из армии, я ему предложил роль Николая Баумана в спектакле «Третья стража». Мне показало-сь, что молодой актер смо-жет решить свою сложную за-дачу — именно прочувство-вать, внутренне прожить жизнь

на душе: казалось, завтра получится. И получалось. И опять не всё, и снова был по-иск.

...Он молод и, как говори-сам, сделал мало, а многое на-до сделать. Он пробует себя в разных жанрах. Это и семна-цатилетний Акъегет в трагедии Мустая Карима «В ночь лу-ного затмения», отстаивающий свое достоинство, свое челове-

каждого движения. Как чутка его реакция на все, что проис-ходит вокруг... «Русские часто подписывали мир и никогда капитуляции», — сказал, как отрезал. Нет, комиссар не ус-тупит. Его правда выстоит, пусть даже ценой жизни.

Герои Мацкевича не нахо-дят нужным комментировать словами свое чувство. Едва улыбовое движение, улыбка, какой-то особенный, теплый взгляд, и видно, что они, ка-завшиеся на первый взгляд от-кровенно прямолинейными, на самом деле живут сложной внутренней жизнью. Они доб-ры. Особой добротой, добротой суровой.

И еще один наш разговор. Очень короткий.

— Вам не кажется, что сдер-жанность ваша иногда перехо-дит в скованность?

— Возможно. Но мне важно, чтобы мои герои всегда оказы-вались в силах защитить свое дело, свое чувство.

— Вы много играете. Не страшно повториться?

— Боюсь. И все равно не мо-гу расстаться с теми, кого сыграл. Они стали для меня друзьями.

— Везучий человек: сплош-ные встречи с хорошими людь-ми! А отрицательного героя сыграть не хочется?

— Почему же, — возражает он, — конечно, сыграю. Толь-ко...

Он задумывается на секунду. А мне трудно не улыбнуться в ответ, потому что не могу представить себе Мацкевича, который, пусть даже на сцене, лгал бы, унижался, изворачивался. Мацкевича, который предавал бы правду, друзей. Мацкевича, который изменил бы себе, человеку, жизни. О чистоте и верности не принято говорить — амплау. Но если даже так — разве это плохо?

Э. АГРАНОВСКАЯ.

ТВОРЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ

ВЕРНЫЕ ДРУЗЬЯ ЕГО

а ей нужен человек яркий, дея-тельный. Такой же решитель-ный человек нужен Татьяна (артистка Т. Волкова ярко убеждала нас в этом). Обе акрисы укрупняли внутреннее движение характеров героинь, и логика этого движения ста-новилась зримой, почти проз-рачной. Позже, в разговоре, я заметила актеру, что этому ансамблю явно не достаёт ду-шевной теплоты Нила, она не обходима самому процессу вос-приятия этим молодым рабо-чим сложностей бытия, кото-рые он познавал, с которыми вступал в борьбу. Сказала это, даже не рассчитывая на возра-жение, и представить себе не могла, что реакция может быть подобной. Он сидел в полобо-рота ко мне, иногда натянуто вежливо улыбался и, как мне показалось, слушал не очень внимательно. И вдруг резко очень резко повернулся и недо-умённо уставился на меня. Ку-да девалось его безразличие. Затронули Нила, не его, Ма-цкевича, актера, а друга, близ-кого человека, единомышлен-ника.

— Нет, — отрывисто броса-л

И я вспомнила высокую по-мацкевичски сутуловатую фигуру Нила, непрощающую суровость его глаз: «Как я не-навижу этот дом... всю жизнь эту... гнилую жизнь!»

— Баумана убили, — сказал вдруг Иван.

Сначала я даже не сообра-зила, к чему это он. Потом по-няла: намного раньше сыграл он эту роль в спектакле «Тре-тья стража». К образу рабоче-го шел Мацкевич через образ его современника — револю-ционера-большевика. Он пе-режил смерть Баумана и, вы-страивая характер Нила, пони-мал, что не наступило еще вре-мя для мягкости, что сердце должно быть тверже стали, и только непоколебимая реши-мость может стать залогом ус-пеха в великом деле револю-ции, которому он посвятил все-го себя.

...Народный артист БССР главный режиссер театра Г. А. Волков, которого актер назы-вает своим учителем, говорит о нем:

— Для актеров сцена — это рентген. Рентген, высвечиваю-щий сердце. Для них важны

одного из первых профессио-нальных революционеров, до-нести до зрителя огонь его сердца, романтический пафос человека, вся жизнь которого была подвигом. Ведь актеру, играющему Баумана, нужно иметь свой характер, свою гра-жданскую, принципиальную по-зицию.

Это потом в спектакле «Тре-тья стража» игра Мацкевича приобрела убедительность и весомость в раздумьях актера над образом бескомпромис-сного, убежденного человека.

Но пока, пока что не все по-лучалось. Бывали минуты — хо-телось пойти и отказаться. И шел. Поздно вечером через лестничную площадку в квар-тиру напротив:

— Георгий Андреевич, мож-но к вам?...

И опять всё начиналось сна-чала, допоздна, до глубокой но-чи шел разговор. Сколько их было?

Режиссер и актер думали спорили, искали. И вырсыва-вался, оживал в разговорах Бауман, неутомимый боец, не-стигаемой воли человек. А по-лтро немного легче становил-

ческое право любить. Это и за-бавный в своей чисто театраль-ной свирепости Дон Луис из комедии Педро Кальерона «Дама-невидимка». Это люди разные, непохожие. И еще да-леко до того, что называют в искусстве совершенством, но Мацкевич ищет, а верность его героев питается верностью са-мого актера, еще только встав-шего на путь серьезного поис-ка.

— Я и Шурку Зайцева из спектакля «Старые друзья» люблю за его верность. Пусть он калека, но нельзя его жа-леть. Его уважать надо. Он не забытый, он просто думает больше. И молчит. И любит. Он верный, — говорит актер.

Все интонации и движения Шуры у Мацкевича скупы, тщательно отобранны, они обрета-ют свою лаконичную вырази-тельность и в этой внешней скупости бьется сердце, пуль-сирует мысль, рвутся чувства.

Такая же сдержанность в жестах и у комиссара Колесни-кова в «Брестской крепости». Поэтому еще больше возраста-ет необходимость значимости